

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ОРЕНБУРГСКОМ РЕГИОНЕ

Уровень полиэтничности в России – не только исторически сложившаяся особенность, но и важнейший маркер этнокультурного и поликонфессионального многообразия. Начальный этап формирования корейской диаспоры Оренбуржья, отраженный в документах Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), позволяет сделать вывод о государственном регулировании этого процесса в дореволюционный период.

Ключевые слова: корейская диаспора, полиэтничность, добровольные миграции, российское подданство, православие, Оренбургское губернское правление, состав населения, самоидентификация, Дальний Восток.

Российское социокультурное пространство изначально формировалось как полиэтничное в силу специфики поступательного колонизационного движения. Территориальный рост России, особенно активно происходивший с конца XVI столетия, сыграл немаловажную роль в своеобразии модернизационных процессов. Естественно-географические факторы сказались не только на ресурсно-промышленном освоении территории России, на формировании базиса ее экономики, но и на сложении важнейших социальных и этнокультурных элементов отечественной государственности.

Отмечаемый современными исследователями высокий уровень полиэтничности в стране является не только отличительной особенностью российского социума [1, с. 1], но в большей степени важнейшим маркером этнокультурного и поликонфессионального многообразия, не стертых активными ассимиляционными процессами. Колониальность развития окраин государства, особенно восточных, позволяет усматривать подчинение разнохарактерных ресурсов (экономических, территориальных, человеческих и др.) внутренним и внешним интересам страны. Оренбургский регион в этом плане не стал исключением из общих правил формирования российской государственности.

По данным последних переписей населения России 2002 и 2010 годов, национальная составляющая Оренбуржья выросла за межпереписной период со 119 до 126 этносов. Безусловно, в количественном отношении наиболее многочисленными являются славянская, тюркская и финно-угорская общности.

Преобладание в регионе народов, представляющих эти национальные образования, объясняется историей заселения края, особенностями сложения его этнического состава.

Так, славянские народы появились здесь как в результате естественного движения на юго-восток в силу самых разных причин, так и вследствие государственной инициативы, проявившейся в строительстве укрепленных оборонительных линий защиты от набегов кочевников. Тюркские народы края относились как к числу автохтонного населения (башкиры, казахи), так и заселенного в рамках государственной политики колонизации (татары). Миграция финно-угорских народов из соседних поволжских регионов также вызывалась многочисленными факторами, из которых наиболее важными следует считать растущее притеснение со стороны властей, захват земель исконного проживания помещиками и монастырями, насильственную христианизацию. Кроме того, историческая близость со славянскими народами ярко проявилась в традиционной народной культуре, в системе жизнеобеспечения. Эти исторически обусловленные реалии во многом способствовали замене этнической самоидентификации населения на культурную [2, с. 212–215].

История формирования национальных диаспор, не относящихся к многочисленным или автохтонным, показательна во многих отношениях. Модель пересечения государственных и этнических интересов в структуре народонаселения важна не только в исследовательском плане, но и в приоритетах национальной политики страны [3, с. 291]. Этнический облик Оренбуржья приобрел благодаря самобытно-

сти традиционных культур неповторимую ценность, выделяющуюся даже в масштабах нашего многонационального государства.

Рассмотрим в качестве примера начальный этап формирования корейской диаспоры на Южном Урале. По данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 года, корейцы в регионе не зафиксированы. На тот период с момента добровольного переселения корейцев в Россию прошло чуть более 30 лет.

Единичные двухсторонние торговые контакты в Дальневосточном регионе отмечались еще до заключения Пекинского договора с Китаем в 1860 году, когда к России был присоединен Южно-Уссурийский край и определена русско-корейская граница. Однако переход на жительство в Россию корейских крестьянских семей из северной провинции Хамген начался ближе к середине 60-х годов XIX века [4, с. 30]. Основными причинами добровольных миграций корейцев на российскую территорию стали тяжелое экономическое положение, жесточайшая эксплуатация со стороны правящего класса, кабальная зависимость от Китая и Японии. Вполне возможно, что именно эти факторы побуждали корейский народ обращать свои помыслы к России как к сильному соседу, способному облегчить вассальное положение их родины [5, с. 140]. Так, например, после неожиданного наводнения осенью 1869 года, уничтожившего весь урожай, именно угроза голодной смерти вызвала массовый переход российской границы беженцами из Кореи. Уже к концу этого года 4,5 тыс. человек пересекли российско-корейский рубеж.

В течение последующего десятилетия на российском Дальнем Востоке сложилось 21 корейское селение, где проживали около 7 тыс. человек. Причем численность самопереселенцев постоянно росла. Корейцы, становясь заметной частью населения российского Дальнего Востока, отличались способностью быстро приспосабливаться к новым природно-климатическим и социально-экономическим условиям, неимоверным трудолюбием и полной лояльностью по отношению к русским властям [6, с. 6].

Следует отметить, что и Россия остро нуждалась в рабочей силе на своих новых дальневосточных владениях – в Приамурье и Приморье. Русское население здесь было малочисленно, снабжение продовольствием и другими не-

обходимыми товарами из центральных губерний – затруднено. Миграционное движение как из российских регионов, так и из северных районов Кореи регулировалось законами Российской империи [7, с. 75–86]. В 1896–1897 годах значительная часть корейцев была впервые принята в российское подданство и наделена земельными участками в 15 десятин на семью. Большинство натурализованных корейцев вошло в сословие крестьян и мещан, однако уже тогда наметилось создание прослойки корейской интеллигенции, купцов, духовенства и других социальных структур [6, с. 6, 19].

Принятию корейцев в российское подданство способствовало их активное вхождение в православие по сравнению, например с китайцами, которые далеко не всегда видели в России новую родину и стремились к перемене гражданства [8, с. 7]. Следует отметить, что корейцев привлекала в русскую православную церковь общность ее религиозных устоев с конфуцианским учением – поминание усопших, почитание старших и т. д. [5, с. 141]. Процесс перехода в православие корейцев даже на их исторической родине отмечен рядом исследователей [9, с. 338, 342]. Таким образом, для корейцев-переселенцев православная религия не была чем-то чуждым, непонятным и неприемлемым в силу национальных традиций, складывавшихся столетиями.

17 мая 1888 года вступил в действие закон, облегчавший условия легализации корейских и китайских переселенцев в России. Приамурский генерал-губернатор получил на 10 лет право принимать указанные выше народы в российское подданство при условии согласования с министром внутренних дел. К тому же наиболее образованные и уважаемые представители формирующейся в России корейской диаспоры понимали, что без узаконенного правового положения нельзя было думать о будущем для себя и своих детей тысячам переселенцев. Таким лидером, без сомнения, был старшина первой на российском Дальнем Востоке Янчихинской корейской волости, объединившей 22 из 32 национальных деревень в Приморье, – Петр Семенович Цой (Чхве Джэхен) [10, с. 1277, 1278; 11].

По истечении срока действия указанного выше закона корейцы принимались в российское подданство на общем основании, они

представлялись дополнительные документы. К ним обычно относятся метрические выписи о крещении, национальный паспорт. Иногда в делах содержатся справки Челябинского адресного стола о проживании по указанным адресам просителей, а также протоколы опрошенных свидетелей о семейном и имущественном положении просителя, его поведении, образе жизни, занятиях, судимости («небытности под судом и следствием»).

Некоторые просители имели как корейские, так и русские имена и фамилии: Бак-Цоши (по крещению Василий); Хаван-Сыги (по святому крещению Максим Коменков, он же Доценков); И-суни-и (по святому крещению Георгий); Па-чен-зун (по святому крещению Серафим); Ким-ти-чан (по святому крещению Иоанн); Киси-Не-Пек (по святому крещению Василий Николаев Пихтовников) и др. Отдельные просители называли себя только по-русски: Сергей Семенов Семенов, Алексей Сергеев Чан.

Два дела вызвали особый интерес, так как отличались от всех остальных не только составом документов, но и драматически сложившимися судьбами просителей. Алексей Сергеев Чан в приписке к прошению указывает на необходимость свидетельства, так как полиция не считает представленные им удостоверения документами, дающими право на проживание в Оренбургской губернии. Действительно, таковым не является, например, удостоверение конторы Пышменско-Ключевского рудника о том, что А.С. Чан «в продолжении полуторых лет исполнял обязанности машиниста; службу оставил по собственному желанию; возложенные на него обязанности исполнял аккуратно» [19, л. 2].

Согласно следующему по дате удостоверению, выданному Екатеринбургским полицейским управлением, корейский подданный Алексей Сергеев Чан вместе с женой Марией Ивановой имел свидетельство о водворении в пределах Российской империи для свободного проживания «впредь до принятия им, Чан, русского подданства». Однако проситель не дождал до получения документов на проживание в пределах Российской империи: через два месяца после подачи прошения А.С. Чан умер от чахотки в возрасте 26 лет. Можно предположить, что путь корейского подданного с

Дальнего Востока на Урал не был легким, трудиться ему пришлось на руднике, механическом заводе, скорее всего, в тяжелых условиях. Несмотря на то, что отец его (по сведениям просителя) в Корее служил чиновником, возвращаться на родину А.С. Чан не хотел.

Жене А.С. Чана – Марии Ивановой Чан – пришлось после его смерти обращаться с прошением о принятии в российское подданство, так как, вступив в брак с иностранцем, она в соответствии со статьями 836, 837, 850, 853, 854 части IX Закона о состояниях, изданного в 1899 году, считалась подданной того же государства, что и муж. Судя по предоставленным ею дополнительным документам: метрической выписи о браке с корейским подданным А.С. Чан и справки о смерти мужа, выданной причтом Рождества Богородицкой церкви при ст. Челябинск, М.И. Чан до замужества была

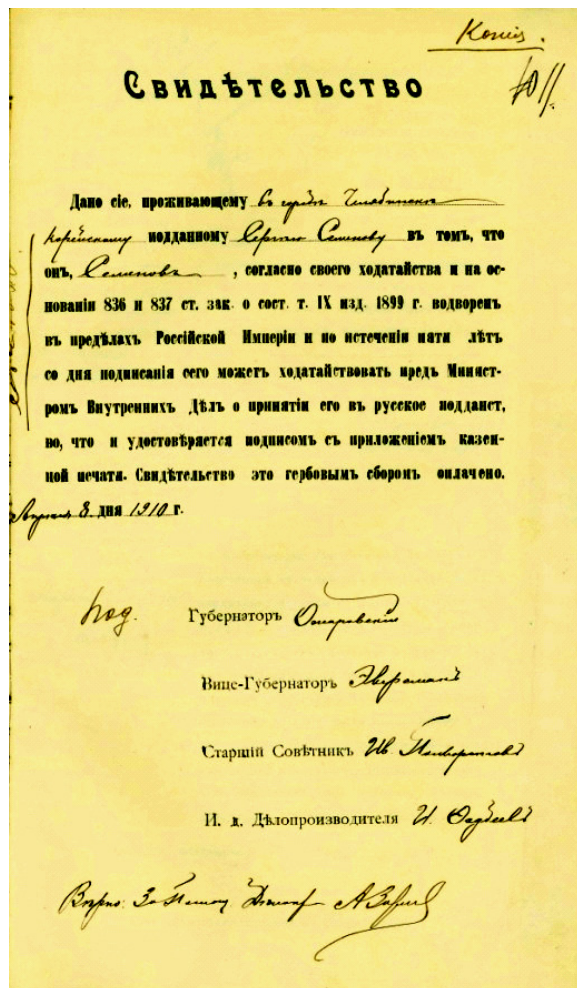

Рисунок 2. Свидетельство о водворении в пределах Российской империи

российской подданной, русской по национальности. В выданном ей Оренбургским губернским правлением свидетельстве указано, что «ей, Чан, разрешено возвратиться в подданство России» [26, л. 8].

Дело «по ходатайству подданного Кореи Ина Мунхуана (по св. крещению – Сергия, по крестному отцу – Онисимова Колодина) о принятии в подданство России» – одно из самых интересных по составу и содержанию документов [25, л. 11]. В год подачи прошения (1914) заявителю было, с его слов, 37 лет от роду. Родился он в г. Сивул (Сеул – Г. К.). Покинув родину в возрасте 12 лет, в полной мере испытал на себе тяготы жизни вынужденного переселенца. Порт-Артур – Челябинск – золотые прииски в Миасском заводе – Пермь – Златоуст – Уфа – Оренбург – Успенско-Макарьевский мужской монастырь – таков его путь по России. Видимо, эти странствия потребовали более подробных сведений о просителе российского подданства. Оренбургское губернское правление отправляет предписание Оренбургскому уездному исправнику о выяснении личности и сборе сведений о Сергее Онисимове Колодине. В прилагаемом к делу протоколе содержатся такие сведения, подтвержденные иеромонахом Герасимом, монахом Давыдом, настоятелем Оренбургского Успенско-Макарьевского мужского монастыря игуменом Герасимом.

Вполне возможно предположить, что положительные характеристики, данные священниками указанного выше монастыря («жизни трезвой, поведение и нравственные качества весьма хорошие»), повлияли на принятое решение и сроки выдачи документов. От времени подачи прошения (17.04.1914) до выдачи свидетельства (18.07.1914) проходит всего три месяца.

Кроме того, привлекает внимание факт обращения корейского подданного в послушника монастыря. Стремление к православию становилось для корейцев-переселенцев естественным актом постижения через него сущности духовности их новой родины еще в пору расселения по российскому Приморью. Со второй половины 80-х годов XIX века способные корейские мальчики направлялись на учебу в духовные и учительские семинарии, сельскохозяйственные школы по всей России.

Именно духовность и образование признавались за основополагающие вехи становления корейского народа в составе российского социума [5, с. 142, 143]. И тем не менее самостоятельное обращение в православие уже в зрелом возрасте, желание принять постриг – явление достаточно редкое. Так, в делах указанного фонда ГАОО как наиболее распространенные занятия просителей в Корее и в России зафиксированы изготовление искусственных цветов и торговля ими.

Важной составляющей вхождения корейцев в российское правовое пространство стал вопрос о службе в армии. Единства во мнениях исследователей этого вопроса по начальной дате нет: некоторые ученые склонны определять ее 1909–1910 гг., однако ряд косвенных источников свидетельствует о выступлении корейцев – подданных Российской империи на защиту своего нового отечества с оружием в руках с 1900 года, об участии воинов-корейцев в Русско-японской кампании 1904–1905 гг.

Так, дальневосточный ученый А.И. Петров приводит в качестве примера получение специального военного образования русскоподданным корейцем Семеном Сергеевичем Хонном. В мае 1902 года он подал прошение в канцелярию Имперской Российской миссии в Сеуле по вопросу обучения в юнкерском училище: «Имея сильное желание обучаться военному делу в одном из Юнкерских училищ Российской империи, дабы потом служить, если это мне будет Русским Правительством разрешено, в Корейской армии, имею честь покорнейше ходатайствовать об исхлопотании мне разрешения поступить в одно из Юнкерских училищ в России. От роду имею 23 года, вероисповедания Православного, учился в Янчихинской трехлетней школе. Отец мой соглашается материально мне помочь, дав на прожить в России во время учения 1000 рублей». Далее исследователь отмечает, что судьба данного ходатайства неизвестна, хотя, скорее всего, судя по общему отношению царского правительства к подобным заявлениям корейцев, оно было удовлетворено [6, с. 150–151].

Косвенное подтверждение этому обнаружено нами в Центре документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИ ОО). В составе фонда УФСБ по Оренбургской области, переданного в начале 90-х годов в

ЦДНИ ОО, содержатся дела реэмигрантов из Китая Хон-Громовых, являющихся родственниками С.С. Хона. В частности, в автобиографии его сына Павла Семеновича отмечается: «Отец мой Хон Семен Сергеевич по национальности кореец, дата и место рождения мне неизвестны, после захвата Кореи японцами эмигрировал в Россию и стал российским подданным. Получив среднее образование и окончив Иркутское юнкерское училище – стал офицером Русской Армии.

Еще до окончания юнкерского училища, во время Русско-Японской войны, ушел на фронт вольноопределяющимся и за проявленные заслуги был награжден орденом «Георгия».

После окончания войны вернулся в училище и, окончив его в чине подпоручика, был назначен в 37 Сибирский Стрелковый полк. В 1914 г. вместе с полком ушел на германский фронт уже в чине штабс-капитана. За время войны был четыре раза ранен, получил два «Георгия», «Золотое оружие», «Анну» и другие награды. В 1917 г., сражаясь с немцами, был убит и посмертно произведен в подполковники» [27, л. 23] (стиль и орфография документа сохранены).

Безусловно, сын 1915 года рождения не мог знать более точных сведений об отце, так как на момент его смерти был двух лет от роду. Скорее всего, и эта скупая информация известна со слов матери Павла Семеновича – Хон-Громовой Татьяны Владимировны. Но даже эти сведения позволяют сделать некоторые выводы: С.С. Хон добился желаемого. Он поступил в Иркутское юнкерское училище и окончил его. Храбро воевал, имел боевые награды, погиб в 38 лет. Посмертное производство в следующий чин является свидетельством лучших качеств боевого офицера. Так неожиданно протянулась «времен связующая нить» с Дальнего Востока на Южный Урал.

Поскольку корейцев из числа русских подданных, обучавшихся в различных военных училищах России, было немного, их имена зафиксированы в документах архивов, в списках получателей казенных стипендий военно-учебных заведений. Именно этот факт позволяет предполагать, что в документах дальневосточного и оренбургского архивов упомянуто одно и то же лицо. Кроме того, семья С.С. Хона вскоре после его смерти выехала в

Китай и вернулась в Россию только во второй половине прошлого века по Указу Верховного Совета СССР 1946 года. Реэмигранты из Китая могли поселиться в СССР только в местах проживания их близких родственников или в регионах освоения целинных и залежных земель. Семья Хон оказалась в Оренбуржье, так как не имела сведений о дальневосточных родственниках матери – Т.В. Хон-Громовой. По косвенным данным, а также по нашему запросу в архив Амурской области можно предположить, что братья Т.В. Хон стали жертвами политических репрессий 30-х годов XX века.

В рассматриваемом нами фонде Оренбургского губернского правления содержатся дела о принятии российского подданства на лиц разных национальностей и подданств. Комплекс дел корейских подданных – не исключение из общих правил. Однако причины и пути перемещения корейцев с территории российского Дальнего Востока на Урал, в центральный и другие регионы страны в дореволюционный период и до начала депортации 30-х годов XX века – проблема еще не достаточно изученная, ждущая внимания исследователей.

В истории корейской диаспоры Оренбуржья на сегодняшний день написаны первые страницы. В октябре 2004 года состоялась первая (и пока единственная) областная научно-практическая конференция по проблемам истории и культуры российских корейцев, посвященная 140-летию со дня добровольного переселения корейцев в Россию. В ее работе приняли участие историки, архивисты, филологи, аспиранты и студенты оренбургских вузов, представители местной корейской диаспоры. В обзорных докладах, сделанных докторами исторических наук, профессорами В.В. Амелиным и Н.Ф. Бугаев, были освещены основные проблемы и достижения отечественного корееведения, подняты актуальные вопросы государственной иммиграционной политики. Безусловно, важнейшей составляющей исторической науки является использование бесценной базы документов как федеральных, так и региональных архивов. Не меньшую значимость в последнее время обретают источники личных архивов (письма, метрические свидетельства, дневники, фотографии, записи воспоминаний членов семьи разных поколений и др.). Такие материалы

также нашли отражение в изданном по итогам конференции сборнике [28].

Изучение состава населения полиэтничных регионов, определение этапов и особенностей его формирования, влияние на этот процесс глобальных событий (голод, войны, добровольные и насильственные перемещения и др.), сопоставительный анализ проблем этнической и социальной адаптации народов в иноэтнической среде, причины смены само-

идентификации и утраты основ национальной культуры – вот далеко не полный перечень насущных задач, стоящих перед современной исторической наукой. Регионоведение в самом широком исследовательском понимании должно стать весомым вкладом в создание полномасштабной истории России, лишенной однобоких идеологических установок, конъюнктурных позиций.

12.04.2012

Список литературы:

1. Дробижева, Л.М. Этничность в современной России: этнополитика и социальные практики // Этнопанорама. – 2002. – №1. – С. 1–9.
2. Ким, Г.П. Многонациональная культура Оренбуржья как исторически сложившийся феномен // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2007. – Том. 76. – С. 212–217.
3. Ким, Г.П. Корейская диаспора России в контексте государственной национальной политики // Известия Самарского научного центра РАН. – Т. 13. – №3 (41). – 2011. – С. 291–295.
4. Корееведение в России: история и современность. – М.: Ин-т востоковедения РАН; Первое Марта, 2004. – 384 с.
5. Ким, Г.П. Корейцы России в системе государственно-конфессиональных отношений // Государственно-конфессиональные отношения: теория и практика. Международная конференция. Оренбург, 30 марта 2010 г. – Сб. статей / Сост. Е.В. Годовова. – Оренбург: ООО «Агентство «ПРЕССА»», 2010. – С. 139–144.
6. Петров, А.И. Корейская диаспора в России. 1897–1917 гг. – Владивосток: РАН, 2001. – 400 с.
7. Пак, Б.Д. Россия и Корея. – 2-е изд., доп. – М.: Институт востоковедения РАН, 2004. – 520 с.
8. Нестерова, Е.И. Китайцы на российском Дальнем Востоке: люди и судьбы // Диаспоры. Независимый научный журнал. – 2000. – №3. – С. 6–28.
9. Павел (Ивановский), иеромонах. Современное положение христианских миссий в Корее // Известия Восточного института. – Т. 12. – Владивосток, 1904.
10. Энциклопедия корейцев России / Под ред. академика РАЕН, д. х. н., д. физ.-мат. н., проф. Цоя Брони. – М.: РАЕН, 2003. – 1440 с.
11. Христианская миссия Чхве Джэхена // Российские корейцы. – 2004. – №11 (66).
12. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 982.
13. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1073.
14. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1125.
15. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1127.
16. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1131.
17. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1132.
18. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1133.
19. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1135.
20. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1136.
21. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1143.
22. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1144.
23. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1146.
24. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1147.
25. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1988.
26. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1207.
27. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИ ОО). Ф. 8003. Оп. 2. Д. 28. Л. 23.
28. Проблемы этнической истории и культуры российских корейцев: Материалы областной научно-практической конференции, посвященной 140-летию со дня добровольного переселения корейцев в Россию. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2005. – 100 с.

Сведения об авторе:

Ким Галина Петровна, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного университета, кандидат исторических наук,

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 3405, тел. (3532) 375272, e-mail: galinakim@bk.ru